

Георгий Глазков

Шелест времени

*А коли человеком жил —
что ж ему пропасть?*

Георгий Глазков

Шелест времени

«Автор»

2026

Глазков Г.

Шелест времени / Г. Глазков — «Автор», 2026

Что остаётся после человека? Время уносит поколения, стирает лица, меняет мир вокруг нас. Но исчезает ли вместе с человеком всё, что он успел прожить, понять и подарить другим? Эта книга — путь от размышлений о человеческом времени, как таковом, к размышлениям о человеке внутри времени, а затем — к самому главному вопросу: почему никто не проходит бесследно? Не предлагая готовых ответов, автор приглашает читателя пройти этот путь вместе с ним. И, может быть, дочитав до последней страницы, мысленно вернуться к тем людям, благодаря которым он стал таким, какой он есть.

© Глазков Г., 2026

© Автор, 2026

Георгий Глазков

Шелест времени

Предисловие

Мы привыкли считать, что время всегда движется вперёд. Оно меняет людей и страны, стирает города, уносит поколения. Всё, что сегодня кажется прочным и незыблемым, однажды становится прошлым. Наверное, поэтому время представляется самой могущественной силой, перед которой человек бессилен.

Но так ли это? Размышления на эту тему сложились у меня в этапы. Сначала захотелось просто прислушаться к человеческому времени. Не к календарю, не к историческим эпохам, а к ощущению той внутренней жизни, которую проходит каждый человек: от первых детских впечатлений до последних его шагов. Потом внимание незаметно сместилось к самому человеку внутри времени. Как в разные годы жизни он по-разному понимает успех, счастье? Почему то, что в двадцать лет кажется главным, к шестидесяти уступает место совсем другим ценностям? Меняется ли мир вокруг нас или меняемся мы сами?

И тогда возник ещё один вопрос. Если время действительно сильнее человека, означает ли это, что вместе с ним исчезает всё, что он успел сделать, почувствовать, подарить другим? Или в каждой человеческой жизни есть нечто, что продолжает существовать после неё?

Ответить на этот вопрос непросто. Наверное, именно поэтому люди разных эпох снова и снова возвращались к нему. Поэты говорили о памяти. Философы — о духовном усилии. Верующие — о бессмертии души. Каждый выделял свою грань этой большой тайны.

Эта книга не пытается спорить с ними и не предлагает собственного учения. Она лишь приглашает читателя пройти тем же путём поиска. Сначала — услышать шелест человеческого времени, как такового (Часть 1 Шелест времени). Потом — увидеть человека внутри времени (Часть 2 По кругу). И наконец — задуматься над тем, исчезает ли человек бесследно или его жизнь продолжает звучать в судьбах других людей, в сказанных словах, совершённых поступках, в добре, которое однажды было кому-то подарено (Часть 3 Никто не проходит бесследно).

Ответа у автора нет. Есть только надежда, что, дочитав книгу до последней страницы, каждый приблизится к своей версии ответа. А, может быть, ещё и мысленно вспомнит тех, благодаря кому стал таким, какой он есть.

Часть 1 Шелест времени

На волне стихотворения Игоря Аглицкого «Жизнь в 100 словах»

1. Колыбель. Пеленки. Плач.

Тепло. Не внутри и не снаружи — вообще. Плотное, ровное, без границ. Это — как весь мир. В нём можно быть и не держаться ни за что.

Свет. Слишком близко. Слишком резко. Размывается, распадается на пятна.

Шум. Глухой, потом резкий, потом снова глухой. Что-то движется, касается, исчезает.

Всё непривычно. Кожа будто одна. Воздух трогает. Ткань мешает. Пусто. Внутри всё сжимается.

Крик. Рвётся сам, без усилия, как единственное, что может случиться.

И сразу — обратно. Тепло. Запах. Щека. Шея. Ткань, в которую можно уткнуться.

Ритм, который держит. Всё снова целое. Пятна становятся

дольше. Свет не только давит — он тянет. Где-то появляется лицо. Не целиком — глаза, движение, тень. Взгляд. И внутри что-то отпускает.

Рядом. Можно смотреть. Можно тянуться. Можно теряться и находить снова.

Край одеяла. Дальше — другое. Жёстче. Чуть холоднее. Надо. Движение. Чуть дальше. Пауза. Обратно. Рядом. Опять дальше. И так — пока не становится понятно без слов: мир можно трогать, в нём можно быть, пока есть она. Руки. Щёки. Шея. Взгляд. Пока есть куда вернуться.

2. Двор. Качели. Детский сад.

Качели скрипят. Цепи холодные. Поднимают выше, чем сначала хотелось. Ноги тянутся вперёд. Земля уходит. Страшно. Но слезать рано. Смотрят. Ещё раз. Выше. Прыжок. Успел.

Двор. Асфальт. Лужи. Мяч. Он улетает не туда. Кто-то бежит, кто-то кричит. Не тебе. Ждёшь. Потом всё-таки зовут. Бежишь.

Можно. Коленка. Сначала просто удар. Потом — жжёт. Потом — кровь. Смотрят. Не плакать. Терпишь. Можно.

Правила. Их никто не объясняет. Но они есть. Кто первый. Кто главный. Кому мяч. Кто сегодня не играет. Иногда — не ты. Стоишь рядом. Делаешь вид, что не важно. Потом снова берут. Можно. Детский сад. Чужое. Столы. Каша. Тихий час. Лежать. Не говорить. Не вставать. Глаза открыты. Долго. Очень долго. Нельзя. Потом — можно. Выбежать. Снова во двор. Снова шум, мяч, крик. И вдруг — голос сверху: домой! Не сразу. Ещё немного. Ещё один раз. Можно.

3. Школа. Двойка. Тройка. Пять.

Коридор. Пахнет хлоркой и булочками с повидлом. Шум. Бег. Кто-то толкает, кто-то орёт. Звонок. Резко. Все срываются с места. Двери хлопают. Тишина.

Класс. Доска. Мел. Тетрадь. Вызывают. Встаёшь. Идёшь. Доска близко. Слишком близко. Мел в руке. Ладонь мокрая. Слова не выходят. Пауза. Двойка. Красная. В тетради. Потом — в дневнике. Смотрят. Жар в лице. Внутри пусто. Сесть. Не дышать. Не смотреть. Перемена. Шум снова спасает. Можно раствориться.

Забывается. Почти.

Следующий раз. Отвечаешь не всё. Но что-то есть. Учитель кивает. Тройка. Выдох. Можно жить. Можно дотянуть. Потом исправлю. Не сейчас.

Иногда получается. Вдруг. Слова идут сами. Мел не ломается.

Всё сходится. Пять. Лёгкость. Улыбка. Чуть выше ростом. Смотрят — уже иначе. Хочется ещё.

Но не каждый раз. Снова доска. Снова пауза. Снова попытка.

Звонок. Срывает всё.

Выбегаешь. Свет. Воздух. Шум. Жизнь возвращается.

Завтра — опять.

4. Институт. Весна. Кусты.

Весна в институте всегда начиналась не по календарю. По лавочкам возле общаги, где внезапно становилось тесно от людей,

надежд и чужих курток, наброшенных на плечи не по погоде, а по настроению.

Сначала таял снег. Не весь — пятнами. Грязный, упрямый, с прошлогодними окурками и потерянными варежками. Потом начинало пахнуть землёй, сыростью, чем-то новым и одновременно давно знакомым. И вместе с этим в воздухе появлялось странное ощущение: будто всё, что зимой казалось важным — зачёты, хвосты, недосып, пустой холодильник, — можно ещё успеть. Не исправить, а именно успеть.

Институт весной вообще жил по другим законам. Лекции вроде шли, преподаватели вроде говорили, кто-то даже что-то записывал, но всё это уже держалось на честном слове. А настоящая жизнь начиналась после звонка — на ступенях, у курилки, в переходе между корпусами, где кто-нибудь обязательно уже стоял, прислонившись к батарее, и говорил с таким видом, будто знает что-то главное: кто с кем поссорился, кто кому не сдал лабораторную, где сегодня собираются и хватит ли денег до стипендии. Но тогда всё это казалось частью большой, почти взрослой жизни, в которую мы входили не через двери, а как-то боком — смеясь, опаздывая, обещая себе с понедельника взяться за ум и не слишком веря собственным обещаниям.

Весной особенно остро чувствовалось, что впереди — бесконечность. Она была не где-то потом, а буквально за углом: за кустами у общежития, за последней парой, за первым тёплым вечером, когда можно сидеть до темноты и не думать, зачем всё это, потому что и так ясно — затем, что жизнь только начинается. Кусты, кстати, были важной частью этого ощущения. Они росли вдоль старого забора, кривоватые, пыльные, ничем не примечательные, кроме одного: за ними всегда что-то происходило. Кто-то пил пиво из горлышка, морщась не столько от вкуса, сколько от желания казаться взрослее. Иногда кто-то приносил джин со льдом — редкую, почти заграничную роскошь, от которой кружилась не столько голова, сколько воображение. Кто-то целовался, уверенный, что это и есть любовь — единственная, настоящая, навсегда.

Мы все там были. И в каждой роли — понемногу.

После таких вечеров кто-то шёл досыпать, кто-то — догонять конспекты, внезапно вспомнив, что зачёт уже завтра. Кто-то ставил чайник, заваривал крепкий кофе и садился над конспектами с тем самым выражением лица, которое бывает только в молодости: будто жизнь снова застала тебя врасплох, но это почему-то не страшно. Лето тогда казалось не временем года, а обещанием. Оно уже стояло где-то рядом — за последней парой, за последним хвостом. И диплом маячил впереди не как угроза, а как далёкий, нестрашный берег, до которого, конечно, ещё доберёшься.

Наверное, главным ощущением той весны была не свобода даже, а неуязвимость. Смешная, наивная, почти детская вера в то, что всё можно успеть: сдать, досдать, полюбить, расстаться, уехать, вернуться, стать кем угодно.

Тогда это казалось естественным. Теперь — почти чудом.

5. Романтизм. Любовь. Без сна.

Поздно. Не потому что ночь. Потому что не расходятся. Стоят. Говорят ни о чём. Смеются чуть тише, чем днём. Рядом. Слишком близко, чтобы не чувствовать. Слишком рано, чтобы коснуться. Пауза.

Рука. Сначала случайно. Потом уже нет. Тепло. Не такое, как раньше. Другое. Внутреннее. Смотришь — и не отводишь. Хочется запомнить. На всякий случай.

Слова мешают. Становится проще молчать. И в этом молчании вдруг всё понятно. Ближе. Ещё. Губы. Коротко. Почти неуверенно. Но достаточно, чтобы всё изменилось. Сразу. Сердце быстрее. Воздуха меньше. Мир — где-то сбоку. Смеются. Уже иначе. Идут рядом. Не касаясь. Но уже вместе.

Ночь не кончается. Лежишь. Смотришь в потолок. Повторяешь.

Слова. Взгляд. Это движение руки. Не спится. И не хочется.

Утро. Свет тот же. Но всё другое. Встречаешься взглядом — и уже знаешь: можно.

6. Свадьба. Тёща. Тесть. Капкан.

Люди. Много. Слишком много. Голоса. Смех. Тосты. Все смотрят. Поздравляют. Говорят одно и то же — по-разному.

Стоишь. Рядом — она. Улыбается. Сжимает руку. Можно.

Стол. Тарелки. Бокалы. Чужие слова становятся своими.

Горько. Смеются. Кричат. Надо. Целуешь. Долго. Под счёт. Под взглядами. Неловко. Но уже нельзя иначе.

Родители. С двух сторон. Смотрят внимательно. Слишком внимательно. Тёща. Говорит мягко. Слушаешь внимательно.

Киваешь. Тесть. Жмёт руку. Чуть дольше, чем нужно. Понимаешь. Без слов.

Вечер. Шум стихает. Гости уходят. Остаются свои. Уже общие Дом. Не твой. Не её. Теперь — общий. Вещи стоят иначе. Говорят иначе. Даже тишина — другая. Сидишь. Рядом. Молчишь. Хорошо. И немного тесно. Дверь закрыта. Снаружи — всё. Внутри — теперь так.

Навсегда — ещё рано. Но уже не выйти так же, как вошёл. Живёшь. Учишься. Сглаживать. Уступать. Молчать там, где раньше говорил. Иногда хочется — как раньше.

Но раньше — уже нет. Рядом. Она. Этого хватает. И не хватает.

И так — можно. И так — живут.

7. Дом. Работа. Дом. Семья.

В какой-то момент жизнь перестала делиться. Она пошла проще — от будильника до будильника, от понедельника до пятницы, от летней жары в автобусе до зимних сапог у двери. И в этой повторяемости казалось, что всё наконец встало на место.

Дом появился не сразу. Сначала была съёмная квартира с тонкими стенами, чужим запахом на кухне и ощущением временности, которое почему-то не пугало. Потом — первый свой угол, пусть маленький, с кривым балконом, неудобной ванной и счастьем, которое помещалось в новый стол, собранный своими руками, и занавески, которые она выбирала так серьёзно, будто от них зависело будущее.

Работа тоже сначала — как игра во взрослость. Совещания, сроки, звонки, разговоры с важным видом, планы, которые казались настоящими, потому что от них зависели не оценки, а деньги. Сначала это даже нравилось: быть нужным, занятым, уставшим не от бессонной ночи, а от дела, к которой так долго шёл.

Потом родилась дочь. Это случилось так естественно, она просто заняла место, которое давно уже было приготовлено для неё, только мы сами об этом не знали. И вместе с ней в доме появился другой ритм — не хуже и не лучше, просто настоящий. Пелёнки, бессонные ночи, колыбель у кровати, её дыхание в темноте, странное счастье от того, что кто-то такой маленький зависит от тебя больше, чем ты сам от себя.

Тогда почему-то особенно быстро шло время. Солнце, лето, прогулки с коляской, первая осень, первый снег, мокрые варежки на батарее, утренние сборы, простуды, детский сад, снова зима. Всё мелькало не отдельными днями, а каким-то большим непрерывным движением, внутри которого почти не было времени остановиться и посмотреть по сторонам.

Где-то рядом была другая жизнь — легче, ярче, без обязательств и расписаний. Она мелькала в случайных разговорах, в чужих улыбках, в слишком затянувшихся рабочих вечерах, в ощущении, что ты ещё не старый и ещё можешь куда-то свернуть. Но чаще всего на это не хватало ни времени, ни сил. Да и желания, если честно, тоже.

Потому что главное было здесь.

Вечером, возвращаясь домой усталым, он ещё в подъезде слышал, как за дверью кто-то смеётся или бежит открывать, и этого уже было достаточно, чтобы день перестал казаться просто днём.

Потом ужин, разговоры ни о чём и обо всём, разбросанные игрушки, телевизор фоном, привычные мелочи, которые тогда казались фоном, а на самом деле и были самой жизнью.

Сил под конец дня часто хватало только на то, чтобы лечь рядом, закрыть глаза и на секунду подумать: когда это всё успело стать главным? Тогда этот вопрос не требовал ответа.

8. Бизнес. Деньги. План. Аврал.

Утро. Раньше будильника. Голова уже считает. Список. Встреча.

Звонок. Сроки. Ещё вчера. Кофе. Горячий. На ходу. Не чувствуешь.

Машина. Пробка. Сигналы. Кто-то лезет. Все спешат. Ты тоже.

Телефон. Звонит. Пишет. Не замолкает. Отвечаешь. Сразу. Почти не думая. Надо.

День. Переговоры. Цифры. Подписи. Кто-то ждёт. Кто-то требует. Кто-то недоволен. Успеваешь. Почти всё. Остальное — потом.

План. Был. С утра. К обеду — другой. К вечеру — никакой.

Аврал. Собирает всех. Сжимает. Ускоряет. Работаешь быстрее.

Говоришь жёстче. Смотришь короче. Получается. Иногда — очень.

Деньги. Приходят. Уходят. Считаются. Радуют. Недолго.

Вечер. Поздно. Дом. Тихо. Все уже спят. Садись. Смотришь.

Не включаешь свет. Ненадолго. Завтра. Снова.

9. Дача. Вишни. Кабачки.

Утро. Рано. Но без будильника. Свет уже есть. Тихо. Окно открыто. Запах земли. Трава влажная. Выходишь. Холодно ногам. Роса. Стоишь. Никуда не надо.

Сад. Деревья. Вишни. Красные. Тёплые от солнца. Срываешь. Ешь. Кисло. Хорошо. Руки липкие. Не мешает. Грядки. Земля мягкая. Тёмная. Кабачки. Листья большие. Под ними — прячется. Находишь. Срезаешь. Смотришь. Получилось.

День. Длинный. Не делится. Что-то делаешь. Останавливаешься. Садись. Скамейка. Тень. Пчёлы. Гудят. Никто не звонит. Телефон где-то лежит. И не нужен. Вспоминаешь. Как раньше. Бежал. Не успевал. Сейчас — наоборот. Время есть. Много. Иногда — слишком.

Вечер. Солнце ниже. Тени длиннее. Воздух мягче. Сидишь. Смотришь. Ничего не происходит. И этого хватает.

10. Внук. Пелёнки. Колыбель.

Маленький. Тёплый. Слишком маленький. Держишь осторожно. Как будто можно уронить мир. Дышит. Тихо. Неровно. Слушаешь. Смотришь. Лицо. Почти ничего не выражает. Но уже всё есть. Руки. Пальцы цепляются. Сжимают. Сильно. Не отпускают. Знакомо. Запах. Тот же. Почти тот же. Молоко. Ткань. Тепло. Где-то это уже было. Давно. Колыбель. Качается. Медленно. Ты рядом. Не спешишь. Никуда не надо.

Он открывает глаза. Смотрит. Не на тебя. Сквозь. И всё равно — встречаешься. Улыбаешься. Тихо. Как будто он понимает. Плач. Вдруг. Резко. На секунду — вспоминаешь. Как это. Берёшь на руки. И сразу легче. Ему. И тебе. Ходишь. Медленно. Покачиваешь. Не думаешь. Просто рядом.

Вечер. Свет мягкий. Тише. Дом дышит. Сидишь. Он спит. Смотришь. Долго. Без причины. И вдруг становится понятно без слов: всё это уже было — и всё это снова впервые.

Часть 2 По кругу

На волне стихотворения Эльдара Рязанова «Успех поделен по годам»

11. Можно

Томск, улица Кирова

Утро в квартире Юрия Петровича начиналось одинаково — и всё же немного по-разному. Свет входил не сразу. Сначала он задерживался где-то за домами, потом осторожно ложился на подоконник, на край стола, на корешки книг, стоящих плотными рядами до самого потолка. Книги занимали почти всё. Они стояли вдоль стен, в два ряда, местами — в три, и казалось, что если убрать одну, вся эта тихая система может сдвинуться. Юрий Петрович знал, где каждая. И не трогал лишнего.

Комната была тёплой. Уютной. Старый паркет, чуть потемневший от времени, прикрывал добротный ковёр — неяркий, сдержанный, плотный, основательный. В углу стояло кресло. Глубокое, с мягкими подлокотниками, накрытое шерстяным пледом. В этом кресле он читал по вечерам. Иногда засыпал. Иногда просто сидел, не открывая книги.

На столе — чашка. Кофе Юрий Петрович варил сам. Медленно. Без спешки. Кофе был крепкий. С лёгкой горечью. Он делал первый глоток всегда одинаково — чуть задерживая его во рту, как будто проверяя, тот ли. Иногда — тот. Иногда — не совсем.

Потом он садился у окна. Брал в руки трубку. Курить он бросил давно. Но привычка подержать трубку осталась. Трубка пахла старым табаком. И едва уловимо — временем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.